

ШЕЙХ КУНТА-ХАДЖИ КИШИЕВ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ЧЕЧЕНЦЕВ: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ, СУТЬ УЧЕНИЯ И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

АКАЕВ

Вахит Хумидович

д-р филос. наук, профессор, академик Академии наук Чеченской Республики, главный научный сотрудник; Комплексный научно-исследовательский институт имени Х.И.Ибрагимова, Российская академия наук (364051, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, Старопромысловское шоссе, д. 21 а).
E-mail: akaiev@mail.ru

Аннотация. В статье излагаются основные вехи биографии шейха Кунта-Хаджи, выдающегося духовного учителя чеченского и ингушского народов, основателя тариката Кадирийа на Северном Кавказе. Обращается подробное внимание на спорные моменты, бытующие предания, сопряжённые с его религиозной деятельностью. Раскрываются важные положения его миротворческого учения, призывающего к терпению, смирению, ориентирующего на духовное, нравственно-гуманистическое совершенствование верующего. Подчёркивается место учения Кунта-Хаджи в духовной культуре чеченского этноса и его значение для духовно-культурного развития человека.

Ключевые слова: суфий, тарикат Накшбандийа, Шамиль, Кунта-Хаджи, зикризм, Кадирийа, газават, силсила, смирение, ненасилие.

Кунта-Хаджи Кишиев — чеченский суфий, признанный устаз (духовный учитель) многих чеченцев, дагестанцев и ингушей, распространявший тарикат Кадирийа в конце 50-х гг. XIX в. Данный тарикат разительно отличался от бытовавшего в то время среди мусульман Северо-Восточного Кавказа тариката Накшбандийа. Их отличия заключаются в культовой практике, формах исполнения зикра, в разных путях познания Бога.

Отсутствуют сведения о том, где суннитский богослов Кунта-Хаджи познакомился с тарикатом Кадирийа, кто дал ему разрешение на его распространение, какова предшествующая ему цепочка передатчиков этого учения (силсила). В 1995 г. дагестанский учёный-арабист Магомед Нурмагомедов, правнук Саида Араканского, учителя имама Газимухаммада Гимринского, работавший над арабскими рукописями, обнаружил текст разрешения, данного Кунта-Хаджи мюршидом тариката Накшбандийа Дагестана Джамалудином Казикумухским, автором суфийского трактата «Адабуль Марзия»¹, на исполнение зикра. Он представил копию этого небольшого

¹ Учение о тарикатах. Адабуль-Марзия. Соч. шейха Джамалэддина Казикумухского // Сборник сведений о кавказских горцах / пер. с араб. Вып. II. Тифлис, 1869.

текста в переводе на русский язык. В нём шла речь о том, что Кунта-Хаджи разрешается проповедовать тарикат Кадирийа. В своё время автор опубликовал небольшой материал¹, комментирующий это разрешение (*изну* — араб.). Если взять за основу эту информацию, то получается, что его предшественником в кадирийской силсиле является накшбандийский шейх. В связи с этим возникает вопрос, требующий ясного ответа: возможна ли такая ситуация в формировании новых тарикатов?

Тарикат Накшбандийа, особенно его политическое крыло — мюридизм, представлял собой идеологическую базу сопротивления горцев-мусульман завоевательной политике царизма в 20–50-е гг. XIX в., главным образом движения Шамиля. Имамы Газимухаммад и Шамиль придали мирному тарикату Накшбандийа, основанному на аскетизме и мистицизме, религиозно-политический характер, призвав дагестанцев и чеченцев к газавату. Шейх Кунта-Хаджи же к газавату не призывал; он выступал против войны, в ходе которой гибли горцы, разрушались их селения, сжигались сады. Для него настоящим газаватом была помощь ближнему, нуждающемуся, милосердие и служение Всевышнему.

В годы советской власти он и другие духовные учителя чеченцев зачислялись в мракобесы, фанатики, реакционеры, что расходилось с их реальными делами. Жизнь, учение шейха Кунта-Хаджи занимает ключевое место в духовной культуре чеченского этноса. Ныне всё большее число его последователей хотят больше знать о его жизни, поступках, нравственных и духовных поучениях.

Основные вехи жизни Кунта-Хаджи

Существует несколько версий о рождении Кунта-Хаджи Кишиева, в том числе и мистическая, сохранившаяся в народной памяти, в преданиях чеченцев. По мистической версии, находясь в утробе матери, Кунта-Хаджи разговаривал с ней, подсказывал, как поступать в тех или иных сложных жизненных ситуациях.

Имеют место и споры относительно места его рождения. В литературе имеется несколько версий. Согласно первой, он родился в с. Мелча-хи (Исти-су), согласно второй — в Илсхан-юрте (с. Белоречье). 25 мая 1991 г. житель с. Гагатли Ботлихского района Дагестана Х. У. Умаханов, ознакомившись с моей публикацией², писал мне, что «предки Святого [Кунта-Хаджи] из маленького села Гунха Ботлихского района ДАССР»³. Позже в своей книге, изданной в 1993 г., он пишет, что «святой Кунта-Хаджи

¹ Акаев В.Х. Джамалудин Казикумухский — духовный наставник шейха Кунта-Хаджи Кишиева // Тезисы докладов региональной научной конференции молодых учёных, посвящённой гуманитарным исследованиям. К 50-летию образования Дагестанского научного центра РАН. Махачкала, 1995. С. 97.

² См.: Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи — великомученик // Голос Чечено-Ингушетии. 1991. 26 марта.

³ Личный архив В.Х. Акаева.

родился в селении Иласхани-юрт в Чечне в 1830 году»¹. Указанная дата рождения взята из нашей статьи, в которой указывался архивный источник, её подтверждающий.

Недавно появилась версия о том, что предки Кунта-Хаджи были родом из Мекки и в поисках лучших климатических условий вместе с чеченскими паломниками через Крым прибыли в Абхазию, перебрались в Дагестан, а затем осели в Чечне. Дед, отец и мать, сам Кунта-Хаджи жили в чеченских селах: Гордли, Мелча-хи (Исти-су), Илсан-юрте, Гуни (Хаджи-аул)². В этой публикации не указано место рождения Кунта-Хаджи.

Даты рождения Кунта-Хаджи, имеющиеся в публикациях разных авторов, также расходятся. В годы советской власти издан ряд работ о Кунта-Хаджи³, в которых поверхностно описывается его учение, ритуальная практика. Они едва касались биографических сведений, а дата его рождения часто не приводилась.

Приведённая дата его рождения — 1830 г. — выведена нами на основе сведений, полученных из архивного отдела Государственного архива Новгородской области. При этом надо отметить, что она вызывает сомнения в силу того, что шейх тариката Кадирийа по архивным данным оказался слишком молодым. Однако указывать именно эту дату принуждали архивные сведения. Так, 30 июня 1990 г. на мой запрос была получена выписка из «Ведомости о лицах, находящихся под надзором полиции Новгородской губернии в городе Устюжно и уезде за 1865 год» за подписью и. о. директора этого архива И. Д. Савиновой. В ней утверждалось, что «под номером 18 данных ведомостей проходит: “Чеченец Ших Кунти. Возраст — 35 лет. Сослан Его Императорского Высочества наместника Кавказа за распространение фантастического учения “Зикры”. Время ссылки — 3 февраля 1865 года. Сослан без срока под гласный надзор. Проживает в Устюжне, постоянных занятий не имеет. Получает в месяц 1 руб. 80 коп. Женат, жена живет на их родине...”⁴. Этот документ мною был опубликован в работе, посвящённой шейху Кунта-Хаджи⁵.

В статье «Шейх Кунта-Хаджи — великомученник», ссылаясь на данные архивов царского периода, также указывалась дата смерти кадирийского шейха. Известный чеченский алим М. Гаркаев, отличавшийся исключительным мужеством, опираясь на легенды, предания, писал, что

¹ Умаханов Х. Помнят Андийские горы. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1993. С. 66.

² Ибрагимов М. М. О переселении Кунта-Хаджи в с. Гуни (на чеч. яз.) // Таллам (Нохчийн Республикин Гилманийн Академин Гилманан-дешаран тептар), 2015. № 1(18). С. 30.

³ См.: Саламов А. А. Правда о «святых местах» в Чечено-Ингушетии // Сборник статей ЧИ НИИ при Совете Министров ЧИ АССР. Т. IX. Грозный, 1964; Макатов И. А. Религиозные группы Амая и Кунта-Хаджи. Махачкала, 1965; Мустафинов М. М. Зикризм и его социальная сущность. Грозный, 1975.

⁴ Личный архив В. Х. Акаева.

⁵ См.: Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994. С. 65–66.

он был жив еще 1934 г., жил в Китае среди уйгуров до 1943 г., а в 70-х гг. его видели в Мекке¹.

В дате рождения Кунта-Хаджи, приведённой в архивной выписке, сомневается и Р.-Х. Албагачиев, отмечающий наличие возрастных искажений как у самого Кунта-Хаджи, так и его последователя Батал-Хаджи², основавшего новый вирд (суфийское братство). Свою позицию он обосновывает, ссылаясь на высказывание Е. Воротынцевой, заявлявшей, что «настораживает указанный в полицейской ведомости возраст, год рождения точно не установлен, казалось, что Кунта-Хаджи должен быть более старшим»³.

Ссылаясь на статью М. Гаркаева «Шейхи не умирают...» в газете «Республика» (она была опубликована не в этой газете, а в «Голосе Чечено-Ингушетии»), который утверждал, что «Кунта-Хаджи начал свою деятельность как проповедник в 1838 г. в разгар Кавказской войны, а в 1841 г. Шамиль потребовал, чтобы Кунта-Хаджи с мюридами явился на шариатский суд... Во время ареста Кунта-Хаджи было более 56 лет»⁴. Пытаясь подтвердить свою позицию, Р.-Х. Албагачиев приводит копию протокола допроса, учинённого Шамилем Кунта-Хаджи в Ведено, на арабском языке и его перевод на русский язык⁵. Но в ней отсутствует подтверждение приведённых выше дат.

В статье «Кунта-хаджи», написанной Дж. Месхидзе, устанавливается следующая дата рождения Кунта-Хаджи — «рубеж XVIII–XIX вв.»⁶. Однако отсутствует обоснование и этой размытой даты, хотя в статье имеется ссылка на мою работу о Кунта-Хаджи, где приведена вышеотмеченная выписка. В 2000 г. в г. Назрани, когда в Чечне шли военные действия, была проведена конференция, посвящённая 200-летию со дня рождения Кунта-Хаджи. В ходе конференции никем не было доказано, что он родился именно в 1800 г., но, тем не менее, состоялось представительное юбилейное мероприятие.

Недавно возникла новая версия на основе посемейных списков жителей Ичкеринского округа⁷, составленных в 1867 г. Авторы этой версии считают, что Кунта-Хаджи родился в 1815 г. Однако обоснование и этой даты сомнительно. Вряд ли в 1867 г. мог быть точно установлен возраст родственников и односельчан Кунта-Хаджи. Ведь эти списки не были составлены на основе метрических данных и были весьма примерными. Кроме того, с большим трудом верится, что полиция, под надзором

¹ Гаркаев М. Шейхи не умирают... // Голос Чечено-Ингушетии. 1991. 1 авг.

² См.: Шейх, устаз, овлия Кунта-Хаджи Кишиев / авт. проекта и сост. Р.-Х.Ш. Албагачиев. Нальчик: Тетраграф, 2013. С. 11.

³ Воротынцева А. Тайна «черкесского» кладбища // Шейх, устаз, овлия Кунта-Хаджи Кишиев. Нальчик: Тетраграф, 2013. С. 624–626.

⁴ См.: Шейх, устаз, овлия Кунта-Хаджи Кишиев. С. 11–12.

⁵ Там же. С. 89–92.

⁶ Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь. Вып. 1. М.: Восточная литература РАН, 1998. С. 61.

⁷ Посемейные списки жителей Ичкеринского округа. Составлены 15 марта 1867 года. Нальчик, 2010.

которой Кунта-Хаджи находился в Устюжно, могла ошибиться на 15–25 лет, определяя его возраст.

Последняя версия даты рождения Кунта-Хаджи, оказывается, была необходима, чтобы провести в 2015 г. торжественные мероприятия. Но ведь 15 лет тому назад в столице Республики Ингушетия г. Магасе уже были проведены юбилейные мероприятия, посвящённые 200-летию со дня рождения Кунта-Хаджи. Непонятно, для чего создавать такого рода коллизии?

Для краеведов, историков определение точных дат выдающихся личностей, в том числе религиозных, является частью важной исследовательской задачи. Однако её решение требует научного подхода, чёткого анализа фактов, их сопоставления, минимизации мифологических, фольклорных сюжетов, исключения конъюнктурных соображений.

Последователи Кунта-Хаджи не признают факт его смерти. Они считают, что он жив и вернётся к своим последователям, хотя в дореволюционных архивах имеются документы, указывающие на то, что он умер. Сегодня его последователи даже считают, что пришло время его возвращения, что подтверждается соответствующими знаками-признаками (*билгалонаш* — чеч.). Одним из них считается установление единства между всеми вирдами (ответвлениями) последователей тариката Кадирийа в Чечне.

Тот факт, что о Кунта-Хаджи стали говорить, достаточно много писать, что к его личности проявляют значительный интерес представители духовенства, исследователи, краеведы, педагоги, политики — отрадное культурное явление. При этом хотелось бы, чтобы краеведы, любители истории в своих публикациях придерживались научной этики. Например, то ли по ошибке, то ли осознанно неверно указываются авторы некоторых работ.

Так, в Грозном на чеченском языке издана книга «Сын Киши — Кунта-Хаджи»¹. Её содержание состоит из произвольно соединённых текстов разных авторов. Некоторые из них первоначально написаны на русском языке, но в книге опубликованы на чеченском, имеются в тексте и чеченские назмы (духовные песни). В ней немало ошибок грамматического и стилистического характера. Хотя тексты, включённые в книгу, принадлежат разным авторам, в качестве автора проекта, то есть самой этой книги, указан Л. Яхьяев². Другой пример. В оглавлении книги «Шейх, устаз, овлия Кунта-Хаджи Кишиев»³ в качестве автора параграфа «Нравственно-гуманистическое учение шейха Кунта-Хаджи Кишиева» указан М. С. Барахоев. На самом деле эта статья написана автором данной статьи и была опубликована в газете «Сердало».

¹ Кишин воI Кунта-Хъажа [Сын Киши — Кунта-Хаджи]. Соьлжа-Г'ала [Грозный], 2010.

² Там же. С. 4.

³ Шейх, устаз, овлия Кунта-Хаджи Кишиев. С. 655.

Тарикат Кадирийа в Чечне: предпосылки появления и особенности распространения

В конце Кавказской войны, когда движение Шамиля потерпело поражение от русских войск, были жестоко разорены горские селения, а чеченцы оказались на грани физического уничтожения, в Чечне появляется малоприметный, но удивительный человек. Он порицал войну, насилие, призывал к миру, терпению. Это был шейх Кунта-Хаджи Кишиев, чеченский аскет и мистик, основатель тариката Кадирийа на Северном Кавказе. Он не был воином, никогда не брал в руки оружие. Его образ жизни и поведение никак не коррелировали с политикой воинственных мюридов Шамиля, которые объявили газават.

Тарикат Кадирийа, который Кунта-Хаджи распространял среди чеченцев, в конце Кавказской войны, благодаря царским военным чиновникам, получил название зикризма. А. П. Ипполитов, царский офицер, наблюдавший за движением Кунта-Хаджи, называет его «главой секты зикристов», а его учение считает фанатическим, проповедуемым народу легковверному, восприимчивому и воинственному. Он пишет: «...обряды этого учения сопровождалась иступлённою пляскою, пением и криками, а потому Шамиль, нашедши его противным религии, немедленно прекратил сборы зикристов и строго воспретил Кунта его проповеди»¹.

Это обстоятельство принудило Кунта-Хаджи отправиться в паломничество в Мекку, откуда он писал письма своим сторонникам с наставлениями, как исполнять религиозные обряды.

В народной памяти чеченцев сохранилось предание о том, как Шамиль, находившийся в окружении русских войск в Гунибе, призвал к себе на помощь Кунта-Хаджи. Пройдя тройное кольцо русских войск, Кунта-Хаджи явился на зов окружённого и подавленного имама. Шамиль пожаловался ему на свою несчастную судьбу и просил святого Кунта-Хаджи помолиться за него. Устаз зикристов напомнил о былой его мощи, непреклонной гордости и жестокости, совершённых грехах, убитых людях, детях, оставленных без отцов, матерях, лишившихся сыновей, всадниках, у которых отобрали коней. Он напомнил ему о его гордыне, которая возвысила его над людьми и народами. Прощаясь с Шамилем, Кунта-Хаджи посоветовал ему, чтобы тот расстался с властью; он более не смущался, не пугался и предсказал, что будет отправлен в Мекку. Это предание изложено осетинским писателем Дзахо Гатуевым в его рукописи «Шейхизм в Чечне»², материалы для которой он собирал в Чечне в 1925–1926 гг.

Кунта-Хаджи всегда был одет как дервиш, он утверждал, что его оружием является посох, чётки и непрерывные молитвы. Естественно, его

¹ Ипполитов А. П. Учение «Зикра» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II. Тифлис, 1869. С. 4.

² Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. № 282. Ф. 1. Оп. 1. Рукопись исследования Дзахо Гатуева «Шейхизм в Чечне»

нельзя сравнивать со многими национальными героями Кавказа, подвиги которых сопоставимы с подвигами героев античности, нового времени, отстаивавшими свободу и независимость и которые до сих пор служат подрастающим поколениям образцами для подражания. Подвиги Кунта-Хаджи не относятся к военной сфере, они иного плана, поскольку сопряжены с духовной культурой, способствующей нравственному возвышению человека, этноса.

В царский и советский периоды религиозные деятели Чечни изображались как фанатики, реакционеры, мракобесы. Но образ жизни, нравственное учение, стремление к миру, осуждение насилия, призывы к ненасилию, которые демонстрировал Кунта-Хаджи, никак не коррелировали с этими уничижительными ярлыками.

Признаком высокой нравственности в человеке, по Кунта-Хаджи, является правдивость его высказываний, то, что «он в своей речи не смешивает ложь и правду». А тот, кто разборчив в питье и пище, избегает сквернословия, обладает признаками благочестивого человека. Он призывал своих учеников прислушиваться к сердцу. «И если ученик обнаружит в нём высокомерие, чувство превосходства над людьми, желание главенствовать над ними, то такой мюрид не имеет связи с Богом, пророком и устазом». Если же сердце ученика наполнено состраданием к людям, лишено зависти, то он связан с Богом и близок к своему учителю.

Однажды мюрид Кунта-Хаджи, поверхностно воспринявший учение своего учителя, обратился к нему с вопросом, можно ли ему надеть на голову чалму, усилится ли при этом его вера в Бога? Тщеславный мюрид, ожидавший похвалы от учителя, получил ответ: «Сначала обяжи своё сердце чалмой [т.е. очисти сердце от тщеславия и других пороков], только потом носи её. Но если ты хочешь носить чалму не ради Бога, а ради славы, оставляя своё сердце грязным, то ты приумножишь свои грехи»¹.

Известно, что практика и теория суфизма большое внимание уделяет состоянию человеческого сердца, очищению его от греха и подготовке к пламенной любви к Богу. В учении Кунта-Хаджи центральное место отводится душевному равновесию, преодолению нафса (страстей), достижению чистоты сердца. В суфийской культуре человеческое сердце — это вместилище множественного и единого, зеркало, отражающее Бога².

Стремление к миру, неприятие зла и насилия, аскетический образ жизни, глубокая вера, которой обладал Кунта-Хаджи, способствовали тому, что многие ингуши, не принявшие газават Шамиля, стали его последователями. В ингушской газете «Сердало» утверждается, что «ингуши приняли учение Кунта-Хаджи добровольно и с энтузиазмом». Само это событие произошло в середине XIX в.³

¹ Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. С. 52.

² Нурбахи Д. Психология суфизма. М.: Амрита-Русь, 2005. С. 84.

³ Тешал // Сердало, 2003. 29 июля.

Терпение и смирение

В учении Кунта-Хаджи утверждается, что «остановивший в своём сердце гнев, простивший зло, стократ упоминающий имя Аллаха, молящийся за тех, кто злословит, — раб Божий». Подобных высказываний в его религиозной деятельности встречается немало, что даёт твёрдое основание признать, что ещё в ходе Кавказской войны и после её окончания он чётко придерживался важнейшего этического принципа — ненасилия.

В своих устных выступлениях перед верующими он проповедовал такие положения этики ненасилия, как непротивление злу, смирение, всепрощение. В конце Кавказской войны, когда чеченский народ был доведён до грани физического исчезновения, страстно прозвучала его проповедь: «Братья! Мы из-за систематических восстаний катастрофически уменьшаемся. Царская власть уже твёрдо укрепилась в нашем крае. Я не верю в сообщения и “разговоры”, что из Турции придут войска для спасения нашего освобождения из-под ига русских. Это неправда, ибо султан сам является эксплуататором своего народа, как и другие арабские правители. Верьте мне, я все это видел своими глазами.

Дальнейшее тотальное сопротивление властям Богу не угодно! И если скажут, чтобы вы шли в церкви, идите, ибо они только строения, а мы в душе мусульмане. Если вас заставят носить кресты, носите их, так как это только железки, оставаясь в душе магометанами. Но! Если ваших женщин будут использовать и насиловать, заставляя забыть язык, культуру и обычаи, подымайтесь и бейтесь до смерти, до последнего оставшегося! Свобода и честь народа — это его язык, обычаи и культура, дружба, взаимопомощь, прощение друг другу обиды и оскорблений»¹.

В этой речи Кунта-Хаджи выражается социальное положение и духовное состояние народа, доведённого тотальным сопротивлением в период Кавказской войны до грани физического исчезновения. Чтобы сберечь от гибели народ, шейх призывает не верить слухам о том, что на помощь к чеченцам придут войска турецкого султана, призывает прекратить сопротивление, смириться с фактом укрепления царской власти в крае, подчиниться воле победителя. Однако в данном контексте смирение не означает безвольное подчинение насилию, оно имеет границы. Власть следует терпеть до тех пор, пока она не посягает на женщин, язык, обычаи, культуру — факторы, определяющие свободу и честь этноса. В случае насилия над женщинами, попыток ассимиляции, с точки зрения Кунта-Хаджи, необходимо всем до единого чеченца подняться на защиту фундаментальных культурных ценностей народа.

Как известно, шариат основан на принципе талиона, который позволяет осуществлять равное возмездие за осуществлённое насилие. Если в философии суфизма главное — культурная установка на ненасилие, сопротивление злу духовностью, то установки шариата — наказание зла

¹ Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. С. 48.

ответным насилием. Но с точки зрения суфизма насильственное сопротивление приумножает зло в мире.

В конце Кавказской войны Кунта-Хаджи ясно уловил в общем настроении чеченцев, уставших от войны и насилия, сильную потребность в мире, созидании. Потому-то и звучали в его проповедях антивоенные мотивы, призывы к прекращению войны, кровопролития как деяний, противных Богу. На этой почве он подвергся преследованиям со стороны Шамиля, возглавлявшего освободительную борьбу кавказских горцев против захватнической политики царизма. Царский историк Н. Дубровин отмечал, что предводители народа «смотрели недоброжелательно на проповедников тариката, как на своих личных врагов, отвлекающих от их воинственных знамён сотни способных людей».

Преследование Кунта-Хаджи Шамилем имело не только политическое, но и идейное обоснование. Оно — прямое следствие антагонизма, возникшего между суфийством Кунта-Хаджи с таким его фундаментальным принципом, как ненасилие, и мюридизмом Шамиля, основанным на идеологии газавата, призывающего кавказских горцев сражаться с царизмом до победного конца.

Таким образом, в конце Кавказской войны в Чечне в рамках исламской культуры явно обозначились две тенденции понимания сопротивления. Шамиль и его верные наибы призывали чеченцев к газавату, сражению с царизмом до победного конца, что означало в тех конкретных исторических условиях полное разрушение Чечни и физическое уничтожение чеченцев. Кунта-Хаджи же в продолжении газавата видел смертельную опасность для своего народа и для его будущего. Отсюда его настойчивое желание предотвратить эту катастрофу, предложить чеченцам и другим народам мирный, созидательный путь, что отражается в мистико-аскетическом направлении суфизма.

Однако миролюбие Кунта-Хаджи, призывы к горцам остановить войну и смириться с укрепляющейся царской властью не спасли его от ареста и вечной ссылки в отдалённые российские губернии. В выявленных нами документах того времени, описывавших арест и ссылку Кунта-Хаджи, цель ареста Кунта-Хаджи и его последователей отмечена четко: «Искоренить зикр в чеченском племени»¹. Вместе со своими ближайшими соратниками он был арестован 3 января 1864 г. и заключён в тюрьму крепости Грозная, 6 января переправлен в тюрьму во Владикавказ, а затем был доставлен в «арестантские роты Наказного Атамана Войска Донского» в Новочеркасск, где он и находился более полугода². Даже в таких условиях Кунта-Хаджи диктовал на чеченском языке своему мюриду, секретарю Абдуссаламу Тутгирееву из Алхан-Юрта основы кадирийского учения. По этому поводу сам Абдуссалам пишет: «Когда мы находились в заключении, мой шейх мне рассказал на чеченском языке. Я перевёл текст на арабский язык, чтобы наши последователи

¹ Цит. по: Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. С. 59.

² Там же. С. 60.

извлекли для себя пользу. Не хочу, чтобы меня за это восхваляли, но хочу, чтобы знамя зикра и молитв было высоко поднято. То, что имеется в книге, — это слова Кунта-Хаджи. Мой ум и понимание не велики, мне всего 19 лет. Если у меня были силы, я последовал бы за своим устазом. Я был в плену, в руках христиан, лишён всего, меня, закованного в цепи, гнали через города в тюрьму далёкого города. Если бы я рассказал братьям по вере то, что мы испытали, пережили, какие наказания выдержали, то их сердца разрывались бы на части, они падали бы на землю, сходяв с ума, с обоих глаз у них текли бы слёзы»¹.

Абдуссаламу удаётся вернуться из ссылки на родину, и он отправляется в Турцию, куда летом 1865 г. вместе с чеченскими мухаджирами под давлением военного чиновничества были переселены его мать, братья и сёстры. А в арабском селении Раъсул-1айн (ныне — сирийский город Рас-аль-Айн, находящийся на границе с Турцией) примерно в 1871 г. он оформил на арабском языке текст учения шейха Кунта-Хаджи с дословным названием «Ответы устаза, распространяющего религию, на вопросы мюрида, ищущего религию». Российско-британский востоковед А. Зелькина название трактата, составленного Абдуссламом, переводит как «Ответы всеведущего учителя на вопросы пытливого ученика»². Именно этот трактат через паломников попал на Северный Кавказ и был опубликован в дореволюционных типографиях Дагестана.

До сих пор исследователи в системной форме не осмыслили значимость учения шейха Кунта-Хаджи для современной общественной мысли чеченцев, ингушей, дагестанцев, хотя такие попытки предпринимаются³. На необходимость комплексного и детального изучения этого учения на основе принадлежащих ему трудов отмечает и востоковед Ш. Ш. Шихалиев⁴.

Как важнейший аспект такого анализа представляется плодотворное выявление параллелей между учением шейха Кунта-Хаджи и идеями непротивления злу Льва Толстого, Махатмы Ганди. На необходимость проведения такого сравнения автор обратил внимание ещё в 1990 г., а позже в своих публикациях стремился развить эту позицию. Позже стали появляться художественные произведения, научно-популярные

¹ Нохчийн а, 1аьрбин а маттахь Иласхан-юьртарчу Хъаьжин жайна [Книга Хаджи из Иласхан-юрта на чеченском и арабском языках] / пер. с араб. на чечен. М.А.-Х. Асхабова. Без места изд., 1998. 5 сент. С. 21.

² Зелькина А. Учение Кунта-Хаджи в записи его мюрида // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 35.

³ См.: Акаев В. Х. Религиозно-нравственные воззрения шейха Кунта-Хаджи Кишиева // Из истории ислама в Чечено-Ингушетии / отв. ред. В. Х. Акаев. Грозный, 1992; он же. Религиозно-нравственные воззрения чеченского суфия шейха Кунта-Хаджи Кишиева // Известия Высшей школы. Северо-Кавказский регион. Сер. общественные науки, 1995. № 3; он же. Идеи ненасилия на Северном Кавказе (Л. Н. Толстой и суфий Кунта-Хаджи): сборник научных докладов // Материалы международного симпозиума-диалога светских и религиозных учёных «Идея ненасилия и её пределы». Пермь, 24–25 мая 2006 г. Пермь, 2006; он же. Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты / отв. ред. Г. В. Драч. Ростов н/Д: Изд-во СНКЦ ВШ ЮФУ, 2009; он же. Шейх Кунта-Хаджи в духовно-культурном пространстве чеченцев // Вайнах, 2014. № 1.

⁴ Шихалиев Ш. Ш. Краткий обзор арабографических сочинений Кунта-Хаджи Кишиева // Ислам в России и за её пределами: история, общество, культура: сборник материалов международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева. СПб.; Магас, 2011.

публикации, в которых усматривалась прямая связь между учениями этих трёх безусловно великих людей.

В своих достаточно интересных высказываниях некоторые из них договорились до признания непосредственных контактов между шейхом Кунта-Хаджи и Л. Н. Толстым. В публицистических изданиях высказываются суждения о том, что Л. Н. Толстой является учеником Кунта-Хаджи Кишиева, последователем его учения¹. Более того, Кунта-Хаджи объявляется устазом Л. Н. Толстого². Задача исследователя заключается не в том, чтобы продуцировать мифы, а научно обосновывать свои суждения. Мы не располагаем достаточными основаниями (архивными документами, свидетельскими показаниями, воспоминаниями и пр.), чтобы подтвердить новации, отражённые в современных художественных, публицистических произведениях, получающих распространение в культурном поле Чеченской Республики.

Представляется, что исследователи могли бы в сопоставительном плане изучить этику ненасилия Кунта-Хаджи, учения Л. Н. Толстого и М. Ганди. Но это очень непростая задача, она требует филигранного анализа, преодоления мифотворчества, буквально захлестывающего историческое общественное сознание. По крайней мере, такая попытка предпринята в публикации автора, где сопоставляется учение Кунта-Хаджи и идеи ненасилия Л. Н. Толстого³.

Нельзя отрицать то, что Кунта-Хаджи раньше, чем Толстой, а тем более — Ганди, исходя из сложившихся жестоких реалий Кавказской войны, проповедовал идеи смирения, толерантности, непротivления злу, всепрощения. Для жестокого периода Кавказской войны учение ненасилия Кунта-Хаджи, безусловно, явилось светом маяка, указывающего выход из мира насилия. В этом, думается, состоит гуманистическая ценность его воззрений, и это — прорыв от культа силы к культуре мира, гуманизма. Полагаем, что в связи с этим есть над чем поразмыслить современным исследователям истории и культуры чеченского народа.

Выводы

Шейх Кунта-Хаджи — один из главных духовных лидеров чеченского этноса в жестокое время Кавказской войны, проповедовавший антивоенные настроения, высказывавший миротворческие идеи, осуждавший насилие, стремившийся к сохранению своего народа от возможного истребления. Очень важно соотнести это учение с современной реальностью и выявить то, что так остро ныне востребовано людьми.

В контексте наших размышлений хотелось бы обратить внимание и на такой факт. Современные последователи Кунта-Хаджи, сохранив

¹ «Ужасная судьба отца и сына...» / авт.-сост. М. А. Вахидова. Нальчик: Тетраграф, 2013. С. 294.

² Там же. С. 302.

³ Акаев В. Х. Идеи ненасилия на Северном Кавказе...

практическую часть (обряды и ритуалы), не в полной мере освоили суть, дух его учения. Преобладающее большинство из них не знакомы с его фундаментальными идеями: о терпении, ненасилии, милосердии, запрете на присвоение чужого труда, необходимости братской взаимопомощи, духовно-нравственном самосовершенствовании. Конечно же, эти имеющие общечеловеческий смысл положения составляют основу ислама, но в период, когда Кунта-Хаджи их высказывал, в психологии воюющих царских генералов, солдат и горцев доминировали антигуманные императивы: наказать и усмирить, подавить волю чеченцев к сопротивлению, «усмирить навсегда народы или истребить непокорных»¹, продолжить газават и борьбу с русскими до последнего горца.

Надо отметить, что идеи Кунта-Хаджи для периода Кавказской войны, где с одной стороны звучал лозунг: «Свобода или смерть», а с другой — «усмирение навсегда или истребление непокорных», были неприемлемы, хотя они выражали глубинные настроения как нуждающихся в мире горцев, так и настроения русского свободомыслия.

Как в прошлом, так и в настоящем царило и продолжает царить насилие, которое может быть преодолено только путем ненасилия, исключения сотрудничества с насилием. Таков, как представляется, современный урок, который можно извлечь из духовно-нравственного учения суфийского шейха Кунта-Хаджи Кишиева.

Литература

Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи — великомученик // *Голос Чечено-Ингушетии*. 1991. 26 марта.

Акаев В. Х. Религиозно-нравственные воззрения шейха Кунта-Хаджи Кишиева // *Из истории ислама в Чечено-Ингушетии* / отв. ред. В. Х. Акаев. Грозный, 1992. С. 45–52.

Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994.

Акаев В. Х. Джамалудин Казикумухский — духовный наставник шейха Кунта-Хаджи Кишиева // *Тезисы докладов региональной научной конференции молодых учёных, посвящённой гуманитарным исследованиям. К 50-летию образования Дагестанского научного центра РАН*. Махачкала, 1995.

Акаев В. Х. Религиозно-нравственные воззрения чеченского суфия шейха Кунта-Хаджи Кишиева // *Известия Высшей школы. Северо-Кавказский регион*. Сер. *Общественные науки*, 1995. № 3.

Акаев В. Х. Идеи ненасилия на Северном Кавказе (Л. Н. Толстой и суфий Кунта-Хаджи): сборник научных докладов // *Материалы междуна-*

¹ См.: Письмо Николая I ген-фельд. Паскевичу об усмирении горских народов // *Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX века*. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. С. 58.

родного симпозиума-диалога светских и религиозных учёных «Идея насилия и ее пределы». Пермь, 24–25 мая 2006 г. Пермь, 2006.

Акаев В. Х. Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты / отв. ред. Г. В. Драч. Ростов н/Д: Изд-во СНКЦ ВШ ЮФУ, 2009.

Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи в духовно-культурном пространстве чеченцев // Вайнах, 2014. № 1. С. 67–73.

Воротынцева А. Тайна «черкесского» кладбища // Шейх, устаз, овлия Кунта-Хаджи Кишиев. Нальчик: Тетраграф», 2013. С. 624–626.

Гаркаев М. Шейхи не умирают... // Голос Чечено-Ингушетии. 1991. 1 авг.

Зелькина А. Учение Кунта-Хаджи в записи его мюрида // Этнографическое обозрение. 2006. № 2.

Ипполитов А. П. Учение «Зикра» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II. Тифлис, 1869.

Макатов И. А. Религиозные группы Амая и Кунта-Хаджи. Махачкала, 1965. 34 с.

Мустафинов М. М. Зикризм и его социальная сущность. Грозный, 1975. 46 с.

Нурбахи Д. Психология суфизма. М.: Амрита-Русь, 2005. 158 с.

Письмо Николая I ген-фельд. Паскевичу об усмирении горских народов // Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX века. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959.

Саламов А. А. Правда о «святых местах» в Чечено-Ингушетии // Сборник статей ЧИ НИИ при Совете Министров ЧИ АССР. Т. IX. Грозный, 1964. С. 155–169.

Тешал // Сердало, 2003. 29 июля.

«Ужасная судьба отца и сына...» / авт. сост. М. А. Вахидова. Нальчик: Тетраграф, 2013. 376 с.

Умаханов Х. Помнят Андийские горы. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1993. 224 с.

Учение о тарикатах. Адабуль-Марзия. Соч. шейха Джемалэддина Казикумухского // Сборник сведений о кавказских горцах / пер. с араб. Вып. II. Тифлис, 1869.

Шейх, устаз, овлия Кунта-Хаджи Кишиев / авт. проекта и сост. Р.-Х.Ш. Албагачиев. Нальчик: Тетраграф, 2013. 719 с.

Шихалиев Ш. Ш. Краткий обзор арабографических сочинений Кунта-Хаджи Кишиева // Ислам в России и за её пределами: история, общество, культура: сборник материалов международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева. СПб.; Магас, 2011. С. 71–75.

Ибрагимов М. М. О переселении Кунта-Хаджи в с. Гуни (на чеч. яз.) // Таллам (Нохчийн Республикин 1илманийн Академин 1илманан-дешаран тептар), 2015. № 1(18).

Кишин воI Кунта-Хъажа [Сын Киши — Кунта-Хаджи]. Сольжа-Пала [Грозный], 2010. 336 с.

Нохчийн а, 1аьрбин а маттахь Иласхан-юьртарчу Хъаьжин жайна [Книга Хаджи из Иласхан-юрта на чеченском и арабском языках] / пер. с араб. на чечен. М.А.-Х. Асхабова. Без места изд., 1998, 5 сент.

Islam in Russia: genesis and evolution

SHEIKH KUNTA HAJI KISHIYEV IN THE SPIRITUAL CULTURE OF THE CHECHENS: MILESTONES OF HIS LIFE, THE ESSENCE OF HIS TEACHING AND ITS MODERN SIGNIFICANCE

Vakhit Kh. AKAYEV

Dr. Sci. (Philos.), professor, member of the Academy of Sciences of Chechnya, head research associate, the Kh. I. Ibragimov Interdisciplinary Research Institute of the Russian Academy of Sciences (21a Staropromislovoye Road, Grozny, Chechen Republic, 364051, Russian Federation).
E-mail: akaiev@mail.ru

Abstract. The article outlines the major milestones in the biography of Sheikh Kunta Haji, a prominent spiritual teacher of the Chechens and the Ingush, the founder of the Qadirio order in the North Caucasus. The article accentuates controversial points of the discourse about the Sheikh and legends about his religious activities. The author also points out the important views of his peacekeeping doctrine that calls for patience and humbleness and directs believers towards spiritual, moral and humanistic perfection. The article emphasizes the place of Kunta Haji's teaching in the spiritual culture of the Chechen nation and its significance for spiritual and cultural development.

Keywords: Sufi, Naqshbandiyya, Shamil, Kunta Haji, Zikrizm, Qadiriyya, ghazawat, silsila, humbleness, non-violence.

